

От редакции

В настоящем издании писем В. Ван Гога в конце каждого письма в квадратных скобках дается номер его по принятой голландской нумерации, при этом письма к Бернару и Раппарду имеют перед порядковым номером, соответственно, буквы Б и Р.

Письма к Антону ван Раппарду

1881–1885

Голландский живописец и график Антон ван Раппард (1858–1892) в 1880–1885 гг. был близким другом Винсента и единственным, кроме Тео, человеком, который уже в эти ранние годы распознал и оценил его талант. Их дружба началась в Брюсселе зимой 1880/81 г., когда Винсент ежедневно работал в мастерской Раппарда. Раппард остался верен этой дружбе и в гаагский период, когда «порядочное» общество отвернулось от Ван Гога. Конец ей положил сам Винсент, раздраженный критическими замечаниями Раппарда по поводу его работ, сделанными с позиций академизма.

Эттен, 12 октября 1881

Только что получил от тебя книгу «Гаварни, человек и художник»; благодарю, что ты не забыл вернуть ее. Гаварни, по-моему, великий художник и, конечно, очень интересен как человек. Время от времени он, несомненно, ошибался — взять, например, его отношение к Теккерей и Диккенсу, но такие ошибки в природе всех людей.

Кроме того, он, по-видимому, раскаялся в своем поведении, так как впоследствии посылал рисунки людям, к которым вначале относился недостаточно хорошо. Впрочем, сам Теккерей вел себя по отношению к Бальзаку подобным же образом и, кажется,

зашел еще дальше; тем не менее они, в сущности, родственные души, хотя это не всегда бывало ясно им самим...

Не терпится узнать, какие у тебя планы на зиму. В случае если ты поедешь в Антверпен, Брюссель или Париж, обязательно загляни по пути к нам; если же останешься в Голландии, мы, надеюсь, будем встречаться. Зимой здесь тоже очень красиво, и мы, несомненно, сумеем кое-что сделать: если нельзя будет писать на воздухе, поработаем с моделью, скажем, в доме у кого-нибудь из крестьян.

Последнее время я много работал с моделью, так как подыскал людей, которые охотно соглашаются позировать. У меня готовы всевозможные этюды — мужчины, женщины, землекопы, сеятели и т. д. В настоящий момент я много работаю углем и черным карандашом, пробую также сепию и акварель. Не скажу, что ты обнаружишь в моих рисунках успехи, но перемену в них ты несомненно заметишь...

Я очень удивлюсь, если ты спокойно проживешь эту зиму в Эттене; лично мое намерение именно таково — я ни в коем случае не поеду за границу. Ведь с тех пор как я вернулся в Голландию, я сделал довольно большие успехи не только в рисовании, но и во многом другом. Вот я и намерен потрудиться здесь еще некоторое время: я провел за границей — в Англии, Франции и Бельгии — так много лет, что мне давно уже пора некоторое время снова побыть на родине...

Уверен, что если бы ты мог приехать на этих днях, пока продолжается листопад, то даже за одну неделю сумел бы сделать что-нибудь очень хорошее. Если решишь приехать, мы все будем в восторге.

[P 1]

Эттен, 15 октября 1881

Итак, ты серьезно намерен еще до Рождества отправиться в Брюссель, чтобы писать там обнаженную натуру.

Что ж, я это понимаю, особенно при твоём теперешнем настроении, и отпускаю тебя с легким сердцем. *Ce que doit arriver arrivera*¹.

Уверен, что ты не должен рассматривать несколько дней, проведенных в Эттене, как пренебрежение своими обязанностями, наоборот, считай само собой разумеющимся, что, находясь здесь, ты не изменишь своему долгу: ведь ни ты, ни я не будем сидеть тут без дела.

Если захочешь, ты сможешь порисовать здесь и фигуру. Не помню, говорил ли я тебе, что мой дядя в Принсенхаге видел маленькие наброски в твоём письме и нашел их очень хорошими, он с удовольствием отметил, что ты делаешь успехи как в рисунке фигуры, так и в пейзаже...

Я держусь того мнения, Раппард, что вначале тебе следует работать с *одетой* модели. Нет никакого сомнения, что обнаженную модель также следует изучать, и притом основательно, однако в жизни нам приходится иметь дело с одетыми фигурами, разве что ты намерен пойти путем Бодри, Лефевра, Энне и многих других, кто сделал своей специальностью обнаженную натуру. В таком случае тебе, конечно, придется почти исключительно посвятить себя изучению обнаженной модели, и чем больше ты ограничишь себя, сосредоточиваясь только на ней, тем лучше. Но я, в общем-то, не думаю, что ты изберешь такой путь: ты слишком глубоко чувствуешь многое

¹ Чему быть, того не миновать (*фр.*).

другое. Женщина на поле, собирающая картофель, землекоп, сеятель, девушка на улице или дома кажутся тебе настолько прекрасными, что ты едва ли возымеешь желание трактовать их в совсем иной манере, чем ты это делал до сих пор. У тебя слишком глубокое чувство цвета, слишком тонкое восприятие тона, ты слишком пейзажист, для того чтобы пойти по стопам Бодри. Это верно еще и потому, Раппард, что ты, как мне кажется, тоже окончательно осядешь в Голландии. Ты слишком голландец, для того чтобы стать вторым Бодри. Тем не менее я счастлив узнать, что ты пишешь такие красивые этюды обнаженной фигуры, как те два больших, что я видел: лежащую коричневую и сидящую фигуры. Я сам не прочь бы написать такое. Я высказываю тебе откровенно все, что думаю; ты, со своей стороны, должен платить мне тем же.

Замечание, сделанное тобой по поводу «Сеятеля»: «Этот человек не сеет, а позирует для фигуры сеятеля», очень метко. Однако я смотрю на свои нынешние работы исключительно как на этюды с модели и не претендую ни на что иное.

Лишь через год или даже несколько лет я получу возможность сделать сеятеля, который по-настоящему сеет; тут я с тобой согласен.

Ты сообщаешь, что ничего не делал на протяжении двух недель. Мне, конечно, знакомы такие периоды: они у меня тоже бывали прошлым летом, когда я работал над рисунком не непосредственно, а, так сказать, косвенно. Это такое время, когда проходишь через какие-то метаморфозы.

Я видел «Панораму» Месдага. Я был там с художником де Боком, который делал ее вместе с ним; де Бок рассказал мне об инциденте, происшедшем

после того, как она была закончена, и этот инцидент показался мне очень забавным.

Знаком ли ты с художником Дестре? Между нами говоря, он воплощение слащавого педантизма. Так вот, однажды этот господин явился к де Боку и высокомерно, снисходительно и медоточиво объявил: «Де Бок, я тоже был приглашен писать эту панораму, но отказался ввиду того, что это так антихудожественно».

На что де Бок ответил: «Господин Дестре, что легче — писать панораму или отказаться писать панораму? Что более художественно — сделать вещь или не сделать ее?» Полагаю, что ответ угодил прямо в цель.

У меня хорошие вести от моего брата Тео. Он шлет тебе горячий привет. Не пренебрегай возможностью поддерживать с ним знакомство и время от времени пиши ему. Он умный, энергичный человек, и я очень сожалею, что он не художник, хотя для самих художников очень хорошо, что существуют такие люди, как он. Ты сам убедишься в этом, если поближе познакомишься с ним...

Я разыскиваю одно стихотворение, кажется, Томаса Гуда: «Песнь о рубашке»; не слышал ли ты, случайно, о нем, а если слышал, то не можешь ли как-нибудь раздобыть его мне?..

Говоря откровенно, Раппард, я охотно сказал бы тебе: «Оставайся здесь». Хотя у тебя, конечно, могут быть неизвестные мне, но достаточно веские причины не отказываться от своего плана.

Поэтому, рассуждая исключительно с творческой точки зрения, я скажу лишь, что, по моему мнению, ты, как голландец, будешь больше чувствовать себя дома в голландском интеллектуальном окружении

и получишь больше удовольствия, работая (будь то фигура или пейзаж) в соответствии с характером нашей страны, чем специализировавшись исключительно на обнаженной фигуре.

Хоть я люблю Бодри и других, например Лефевра и Энне, я безусловно предпочитаю им Жюля Бретона, Фейен-Перрена, Милле, Улисса Бютена, Мауве, Артца, Израэльса и т. д.

Говорю так потому, что уверен: в сущности, ты и сам того же мнения. Ты, конечно, знаешь очень много в различных областях искусства, но и я видел не меньше твоего. Я, так сказать, новичок лишь в искусстве рисования, но тем не менее вовсе не такой уж плохой судья в вопросах искусства вообще, и тебе не следует слишком легко отмахиваться от тех немногих суждений, какие я высказываю. А как я понимаю, самое лучшее для нас с тобой — работать с натуры в Голландии (фигура и пейзаж). Тут мы остаемся сами собой, тут мы у себя дома, тут мы в своей стихии. Чем больше мы узнаем о том, что делается за границей, тем лучше; но мы никогда не должны забывать, что корнями своими уходим в голландскую почву.

[Р 2]

Эттен, 2 ноября 1881

Рад, что тебе удалось быстро найти квартиру и ты теперь живешь возле Академии.

Насчет некоего невысказанного вопроса, который я прочел между строк твоей открытки, замечу, что отнюдь не считаю «глупостью» твое решение поступить в вышеупомянутое святилище; напротив,

я считаю такое решение мудрым, даже настолько мудрым, что мне *почти* хочется сказать — *чересчур* мудрым.

На мой взгляд, было бы куда лучше, если бы ты остался здесь и твоя экспедиция не состоялась, но, уж раз ты предпринял ее, я от всей души желаю тебе успеха и не сомневаюсь в нем, невзирая ни на что и *quand même*¹.

Даже усердно посещая занятия в Академии, ни ты, ни другие никогда не станете в моих глазах «академиками» в уничижительном смысле этого слова. Я, разумеется, не принимаю тебя за одного из этих педантов, которых можно назвать фарисеями от искусства и образцом которых, на мой взгляд, является «добряк» Сталларт...

Пожалуйста, не считай меня фанатиком или человеком предвзятым. Конечно, у меня, как и у любого из нас, хватает мужества брать чью-либо сторону: иногда в жизни поневоле приходится высказать то, что думаешь, откровенно выложить свое мнение и держаться его.

Но, принимая во внимание, что я изо всех сил стараюсь видеть во всем сперва бесспорно хорошую сторону и лишь потом, с крайней неохотой, замечаю также и плохую, я беру на себя смелость утверждать, что постепенно выработаю широкий непредубежденный, так сказать, великодушный взгляд на вещи, даже если сейчас еще не дошел до этого. Поэтому я рассматриваю как «*une petite misère de la vie humaine*» встречу с человеком, который считает, что он всегда прав, и требует, чтобы его всегда считали правым; поэтому же я так сильно сомневаюсь

¹ Несмотря ни на что (*фр.*).

в собственной непогрешимости и непогрешимости всех детей человеческих вообще.

Что касается тебя, то ты, по-моему, тоже стремишься к великодушному, широкому и непредубежденному взгляду на вопросы жизни и особенно искусства. Поэтому я отнюдь не смотрю на тебя как на фарисея в нравственном и художественном смысле.

Тем не менее такие люди, как мы с тобой, при всей чистоте своих намерений, в конце концов, также несовершенны и часто совершают очень тяжкие ошибки, а кроме того, находятся под влиянием окружения и обстоятельств. И мы обманывали бы себя, если бы возомнили, что твердо стоим на ногах и что нам нечего опасаться падения.

Мы с тобой думаем, что твердо стоим на ногах, но *malheur à nous*¹, если мы станем безрассудно храбры и неосмотрительны лишь потому, что уверены — и с некоторым основанием — в наличии у нас известных достоинств. Переоценивая то хорошее, что в нас есть (если оно действительно есть), легко можно прийти к фарисейству.

Когда в Академии или еще где-нибудь ты пишешь энергичные этюды с обнаженной модели вроде тех, которые показывал мне, когда я рисую людей, копающих картошку на поле, мы делаем хорошие вещи, благодаря которым добьемся успеха. Но мне кажется, мы должны становиться особенно недоверчивы и держаться особенно начеку по отношению к самим себе, как только замечаем, что стоим на верном пути.

В таком случае мы должны сказать себе: *«Мне надо быть особенно осторожным, потому что я такой человек, который способен сам себе все испортить своей неосмотрительностью именно в тот момент,*

¹ Горе нам (фр.).

когда все по видимости идет хорошо». Каким же образом должны мы соблюдать осторожность? Этого я точно определить не могу, но я самым решительным образом держусь того мнения, что в упомянутом выше случае необходимо соблюдать осторожность, ибо то, на чем я настаиваю, я познал на основании моего собственного горького опыта, ценой собственных страданий и стыда...

Итак, я одобряю твое решение писать обнаженную натуру в Академии именно потому, что уверен: в отличие от фарисеев, ты не сочтешь себя праведником и не станешь смотреть на тех, чьи взгляды отличаются от твоих, как на людей незначительных. К этому убеждению, которое становится все более глубоким, меня привели не твои слова и уверения, а твоя работа...

И все-таки мне хотелось бы, чтобы ты писал обыкновенных людей в одежде. Нисколько не удивлюсь, если ты преуспеешь именно в этом: я часто думаю о том клерке, портрет которого ты нарисовал во время проповеди досточтимого и ученого отца Кама. Но с тех пор я не видел у тебя подобных рисунков. А жаль! Уж не исправился ли ты, случайно, и не стал ли прислушиваться к проповедям, вместо того чтобы обращать все внимание на проповедника и его аудиторию?

[Р 3]

Эттен, 12 ноября 1881

Не получив от тебя до сих пор письма, я подумал: «Наверно, Раппарду пришлось не по вкусу мое последнее письмо: в нем, видимо, содержалось нечто такое, от чего он пришел в скверное настроение».

Qu'y faire? Но предположим, я прав. Разве это хорошо с твоей стороны? Я, конечно, не всегда могу разобраться, верны или неверны мои рассуждения, уместны они или неуместны. Но я знаю одно: как бы грубо и резко я ни выражался в письмах к тебе, я питаю к тебе такую горячую симпатию, что, спокойно прочитав и перечитав мое послание, ты всегда увидишь и почувствуешь, что человек, который говорит с тобой таким образом, не враг тебе. А зная это, совершенно невозможно не извинить или даже не проглотить некоторые выражения, пусть немножко грубые или резкие, которые впоследствии, возможно, покажутся тебе менее грубыми и резкими, чем вначале.

Как ты думаешь, Раппард, почему я пишу тебе и говорю с тобой таким образом? Неужели потому, что я норовлю поймать тебя в ловушку, что я соблазнитель, который хочет, чтобы ты свалился в волчью яму; или потому, что у меня, напротив, есть веские основания думать: «Раппард пытается совершить прогулку по очень скользкому льду»? Да, я хорошо знаю, что существуют люди, которые не только твердо стоят на очень скользком льду, но даже выкидывают на нем *tours de force*¹; но, даже если ты твердо держишься на ногах (я не утверждаю, что это не так), я все же предпочел бы, чтобы ты шел по тропинке или мощеной дороге, а не по льду.

Прошу тебя, не злись и дочитай до конца; а если уж рассердишься, то не рви письмо, а сначала сосчитай до десяти: один, два, три, и так далее.

Это успокаивает, что очень важно: дальше следует нечто действительно страшное. Вот что я хочу сказать.

¹ Фокусы, акробатические номера (*фр.*).

Раппард, я верю, что, хотя ты работаешь в Академии, ты все более упорно пытаешься стать настоящим реалистом и что даже в Академии ты будешь держаться за реализм, хотя сам и не осознаешь этого. Незаметно для тебя Академия становится докучной любовницей, которая мешает пробуждению в тебе более серьезного, горячего и плодотворного чувства. Пошли эту любовницу ко всем чертям и без памяти влюбись в свою настоящую возлюбленную — Даму Натуру, или Реальность.

Уверяю тебя, что я тоже без памяти влюбился в эту Даму Натуру, или Реальность, и с тех пор чувствую себя глубоко счастливым, хотя она все еще упорно сопротивляется, не хочет меня и я частенько получаю нахлобучку, пытаюсь раньше времени назвать ее своею. Следовательно, я не могу сказать, что уже завоевал ее надолго, но смею утверждать, что ухаживаю за ней и пытаюсь подобрать ключ к ее сердцу, несмотря на весьма ощутительные отповеди.

Но не думай, что существует только одна женщина по имени Дама Натура, или Реальность; нет, это только фамилия целого семейства сестер с различными именами. Так что нам нет нужды быть соперниками.

Ясно, дорогой мой? Разумеется, все это, как ты понимаешь, говорится в чисто аллегорическом смысле.

Так вот, на мой взгляд, существует два рода любовниц. Есть такие, с которыми занимаешься любовью, все время сознавая, что с одной или даже с обеих сторон нет постоянного чувства и что ты не отдаешься своему увлечению полностью, безусловно и безоговорочно. Такие любовницы расслабляют человека, они льстят и портят его; они подрезают крылья очень многим мужчинам.

Любовницы второго рода совершенно не похожи на первых. Это *collets montés* — фарисейки, иезуитки! Это женщины из мрамора, сфинксы, холоднокровные гадюки, которые хотят раз и навсегда связать мужчину по рукам и ногам, не платя ему со своей стороны безоговорочным и полным подчинением. Такие любовницы — сущие вампиры: они *леденят и превращают в камень*.

Я уже оговорился, старина, что все это следует понимать в чисто аллегорическом смысле. Итак, я приравниваю любовниц первого рода, подрезающих мужчинам крылья, к тому направлению в искусстве, которое переходит в банальность; любовниц же второго рода, *les collets montés*, что леденят и превращают в камень, я приравниваю к реальности в академическом смысле, или — если ты хочешь, чтобы я подсластил пилюлю, — к академической нереальности; впрочем, сахар все равно не прилипает к пилюле, и, боюсь, ты разглядишь ее сквозь тонкий его слой. Пилюля, конечно, горькая, но зато очень полезная — это хинин.

Понял, старина?

Однако, благодарение Богу, помимо этих двух женщин, существуют и другие — из семейства Дамы Натуры, или Реальности, однако, чтобы завоевать одну из них, нужна большая душевная борьба.

Они требуют от нас ни больше ни меньше как всего сердца, души и разума, всей любви, на которую мы способны; при этом условии они подчиняются нам. Эти дамы просты, как голуби, и в то же время мудры, как змии (Матф., X, 16); они прекрасно умеют отличать тех, кто искренен, от тех, кто фальшивит.

Эта Дама натура, эта Дама Реальность обновляет, освежает, дает жизнь!

Есть люди — и мы с тобой, Раппард, вероятно, принадлежим к ним, — которые, лишь полюбив по-настоящему, начинают сознавать, что до этого у них были только любовницы первого или второго рода и которые сознательно или бессознательно, но всегда достаточно знакомы с представительницами обоих этих родов.

Словом, соответственно моей аллегории, ты сейчас связался с любовницей, которая леденит тебя, сосет твою кровь, превращает тебя в камень.

Поэтому говорю тебе, дружище, ты должен вырваться из объятий этой мраморной (а вдруг она гипсовая? Какой ужас!) женщины, иначе окончательно замерзнешь.

Помни истину: если даже я — соблазнитель, роющий глубокую яму, в которую ты должен упасть, не исключено, что яма эта может оказаться кладезем, где обитает истина. Вот так-то, старина. Думаю, что твоя любовница обманет тебя, если ты дашь обратить себя в рабство. Пошли-ка ее ко всем чертям, и чем скорее, тем лучше. Но повторяю, толкуй все сказанное в чисто аллегорическом смысле...

Недавно я сделал рисунок «Завтрак»: отдыхающий рабочий, который пьет кофе и отрезает себе кусок хлеба. Рядом, на земле, лопата, принесенная им с поля.

И все-таки женщина, которую, судя по твоим словам, ты любишь, друг мой, и которая пока что является твоим идеалом, слишком холодна. Она именно такова, как я представлял ее себе: мрамор, гипс, в лучшем случае сомнамбула. Словом, все, что угодно, только не живое существо.

Итак, ты утверждаешь следующее: откуда она взялась? С небес. Где обитает? Повсюду. К чему стремится? К красоте и возвышенности.

Слава богу, ты, по крайней мере, искренен и, сам того не подозревая, соглашаешься со мной в том, что избрал себе любовницу из тех, кого я именую *collets montés* и т. д.

Да, ты описал ее совершенно правильно. Но до чего же фарисейка эта красивая дама и до чего же ты влюблен в нее. Экая жалость!

«Сударыня, кто вы такая?» — «Я — *Красота* и *Возвышенность*». — «Мне ясно, красивая и возвышенная дама, что вы считаете себя именно такой. Скажите только, таковы ли вы на самом деле? Я охотно допускаю, что в определенные критические минуты, скажем в дни большого горя или радости, человек может почитать себя и красивым и возвышенным; надеюсь, я принадлежу к тем, кто способен оценить такие качества. Почему же, несмотря на все это, вы оставляете меня холодным и равнодушным, сударыня? Я уверен, что я не чересчур толстокож: я встречал немало женщин, порою даже не хорошеньких и далеко не возвышенных, которые очаровывали меня. Но вы-то, сударыня, ни в коей мере не очаровываете меня. Человеку не подобает избирать своим ремеслом красоту и возвышенность!

Сударыня, я вовсе не люблю вас и, кроме того, не верю, что вы умеете любить, если говорить не о любви на академических небесах, а о настоящей близости — где-нибудь в кустах или у домашнего очага. Нет, госпожа Красота и Возвышенность, о настоящей любви вы ничего не знаете. Видите ли, сударыня, я всего лишь человек с человеческими страстями, и, пока я хожу по земле в этом мире, у меня нет времени заниматься небесной и мистической любовью, потому что я испытываю чувства более земного и откровенного характера.

Признаюсь, мне тоже нужны красота и возвышенность, но еще больше — кое-что иное, например доброта, отзывчивость, нежность. Есть ли в вас все это, моя милая фарисейка? Склонен сомневаться. А кроме того, скажите мне, пожалуйста, сударыня, действительно ли вы обладаете телом и душой? Ей-богу, я склонен сомневаться и в этом.

Послушайте, прелестная дама, утверждающая, что ваши заветные стремления — Красота и Возвышенность (которые, однако, могут быть только *результатом* стремлений, а не самими *стремлениями*), откуда бы вы ни явились, вы несомненно происходите не из лона живого Бога и тем более не из чрева женщины. Вон отсюда, сфинкс, изыди немедля, ибо говорю тебе — ты не что иное, как выдумка. Ты не существуешь („Le tiaple n'eczisdé boind“¹), как сказал бы Нюсинген. Но если ты действительно существуешь, если ты все-таки от кого-то произошла, то уверена ли ты, что твоим прародителем не является сам отец лжи Сатана? Разве в тебе меньше от ехидны и от змеи, чем в нем самом, моя прекрасная, моя возвышенная дама?..» Спроси ее, добра ли она и полезна, любит ли она и нуждается ли в любви. Тогда она смутится, и если ответит «да», значит солжет.

А откуда появилась та, другая, не похожая на даму с вышеописанными стремлениями?

Я далек от того, чтобы отрицать ее божественность и бессмертие: я безусловно верю в них и в первую очередь в них; но, с другой стороны, она в то же время совершенно земное существо, она — *женщина*, рожденная женщиной.

¹ Искаженная немецким акцентом французская фраза: «Le diable n'existe point» — «Дьявола не существует».

СОДЕРЖАНИЕ

Письма к Антону ван Раппарду	7
Письма к Эмилю Бернару	96
Письма к Полю Гогену	176
Письма к Полю Синьяку, Иоганне Ван Гог-Бонгер, Иозефу Якобу Исааксону и Альберу Орье	191